ТРУДЯЩИЕСЯ КРАЯ ГОРЯЧО ОДОБРЯЮТ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) ОБ ОПЕРЕ „ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА"

☆ ☆

Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» встретило единодушное и горячее одобрение советского народа. В нем с новой силой проявилась забота партии об удовлетворении духовных запросов трудящихся.

Историческое постановление ЦК ВКП(б) указало ясный, верный путь развития советского музыкального искусства. Наш народ любит и ценит музыку, пение. Из его недр вышли такие титаны мирового музыкального искусства, как Чайковский и Глинка, Шаляпин и Собинов, блестящая плеяда русских композиторов, прозванных «Могучей кучкой». Их творчество было тесно связано с народом, у него они черпали силы и вдохновение.

Редакция «Тихоокеанской звезды» получает многочисленные отклики на решение Центрального Комитета партии о музыке. В этих письмах выражены чувства и мысли всех дальневосточников. Письма затрагивают разнообразные, животрепещущие вопросы музыкальной культуры, показывают рост духовных запросов трудящихся.

Ниже публикуются некоторые из писем читателей.

☆ ☆

МУДРОЕ РЕШЕНИЕ

НА СОБРАНИИ В КРАЕВОМ ТЕАТРЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

В Хабаровском краевом театре музыкальной комедии состоялось собрание, посвященное постановлению ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели.

С содержательным докладом «Об упрощенчестве и формализме в современном оперном творчестве» выступил художественный руководитель театра тов. Веризов. Он привел яркие примеры и факты, показывающие великую заботу большевистской партии и советского правительства о развитии музыкальной культуры, о воспитании кадров советских композиторов.

— Постановление Центрального Комитета партии об опере «Великая дружба», — говорит докладчик, — является поистине историческим документом. Оно вдохновляет всех работников советского искусства на лучшее удовлетворение духовных запросов советского народа.

— Советские музыкальные театры, — продолжает тов. Веризов, — всегда имели горячее желание обратиться к материалу наших дней, полных великих и волнующих событий. Это является для них большой творческой, жизненной потребностью. Наши зрители, чьи вкусы и запросы неизмеримо выросли, хотят увидеть правдивые и яркие произведения, достойные сталинской эпохи.

Но некоторые наши композиторы не считались с интересами и запросами народа. Они создавали произведения, непонятные и чуждые советским людям. Поэтому вполне заслуженно они получили такое суровое осуждение в постановлении Центрального Комитета партии.

Далее тов. Веризов подробно остановился на вопросах репертуара театра Музыкальной комедии и культуры вокального и музыкального исполнения. За последнее время театром поставлен ряд пьес на современные и исторические темы. Среди них — «Голубой гусар», «Вольный ветер», «Одиннадцать неизвестных» и другие.

— Нужно, однако, признать, — заявляет докладчик, — что не все наши спектакли отвечают высоким требованиям советского музыкального искусства. Мудрое решение Центрального Комитета партии указывает пути, идя по которым мы будем совершенствовать наше творчество, создавать высокоидейные и высокохудожественные спектакли. Главное — непрестанно учиться, глубже познавать советскую действительность, чутко прислушиваться к голосу зрителя.

После доклада тов. Веризова заведующий музыкальной частью театра тов. Ипатов прочел лекцию «Развитие русской национальной музыки».

— Русская музыкальная культура, — говорит он, — неразрывно связана с развитием создаваемой народом русской песни. Творчество великих русских композиторов —Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова и других проникнуто мелодиями народных песен, старинных былин. Некоторые композиторы широко использовали народную песню в своих симфониях и операх.

Отрицание народного творчества и русской национальной музыки привело композиторов Мурадели, Прокофьева, Шостаковича, Мясковского и других к созданию формалистической, антинародной музыки, справедливо осужденной постановлением ЦК ВКП(б).

В обсуждении вопроса приняли участие артисты тт. Попов, Самарин, Зильберборд и другие. Секретарь Хабаровского горкома ВКП(б) по пропаганде тов. Ковалев в своем выступлении подробно остановился на работе краевого театра Музыкальной комедии. Он указал на существенные недостатки ряда его спектаклей, говорил о необходимости повысить их идейно-художественный уровень.

Собрание приняло решение, единодушно одобряющее постановление Центрального Комитета партии. В решении намечены мероприятия, направленные к улучшению работы театра.

Забота о музыке—дело всего народа

Мудрое постановление ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» всколыхнуло не только музыкальную общественность, — оно вызвало горячее одобрение всех советских людей. Это и понятно. Наш народ глубоко музыкален, он любит музыку, хорошо ее понимает. Забота о правильном развитии советской музыки — дело всего народа.

Пропаганда лучших образцов музыки является важнейшей задачей работников отделов искусства, концертных и филармонических организаций. В этом отношении, однако, в Хабаровске не все обстоит благополучно. В местной печати не раз поднимался вопрос о создании краевой филармонии. Наконец, общими усилия увенчались успехом: филармония организована. Правда, она пока еще в стадии «становления».

Нужно уже сейчас подумать о том, чтобы создать при филармонии музыкально-литературный лекторий, который способствовал бы повышению музыкальной культуры трудящихся, знакомил их с лучшими советскими и классическими произведениями.

Не раз общественностью поднимался вопрос и о создании в Хабаровске большого, хорошего симфонического оркестра. Все условия для этого имеются: в городе есть необходимое количество артистов оркестра, солисты, квалифицированные дирижеры, концертные помещения, нотные библиотеки.

Создание симфонического оркестра — дело важное, неотложное.

М. ЗИЛЬБЕРБОРД.

МУЗЫКА И ШКОЛА

Постановление ЦК ВКП(б) о музыке — документ огромного значения. Его с воодушевлением встретили все трудящиеся. Большое впечатление оно произвело, в частности, на нас, учителей, призванных заботиться о повышении культуры учащихся.

Хороший музыкальный вкус надо воспитывать с детства. В этом деле видную роль должна сыграть школа.

Не секрет, что во многих школах преподавание музыки и пения поставлено неудовлетворительно. В учебных программах им отводится очень мало времени. Сильно дает себя знать нехватка музыкально-грамотных педагогов. Преподавание пения в начальной школе занимается, как правило, не специалист, а преподаватель общеобразовательных предметов. Хорошо еще, если этот педагог хоть немного разбирается в музыке, любит пение. А если он не отвечает самым элементарным требованиям? Тогда результаты бывают плачевные.

В большинстве школ нет нот. Приходится учить «как хочешь и чему хочешь». А программа Министерства просвещения требует, чтобы учащиеся четвертого класса были знакомы с фортепианной клавиатурой, знали композиторов-классиков, могли назвать их главнейшие произведения. Как можно научить всему этому без пособий, инструментов, а часто даже и без преподавателя?

Вывод отсюда ясен. Нужно готовить новые кадры преподавателей музыки. Слетует принять меры к тому, чтобы все учителя начальных школ были музыкально грамотны, предоставить им возможность повышения музыкальной квалификации.

Органы народного образования должны добиться, чтобы школы нашего края имели необходимые руководства по пению, ноты, биографии композиторов. Каждая школа должна также иметь музыкальный инструмент — если не пианино, то, по крайней мере, скрипку или баян. По нашему мнению, назрела необходимость, чтобы крайоно созвал совещание лучших школьных преподавателей музыки и пения, обобщил и распространил их опыт.

Н. СКОРОДУМОВ.
г. Куйбышевка-Восточная.

Изгонять пошлость и халтуру

В хабаровском кинотеатре «Гигант» перед началом сеансов с небольшими концертами выступает джаз-оркестр под руководством Б. Белякова. В последнее время сольные номера здесь исполняет артистка Булатова. Эта певица обладает неплохими вокальными данными, но репертуар ее вызывает чувство досады и возмущения.

Прослушав ее «шуточные песни и частушки», мы не нашли в них ничего шуточного. Больше того: это — пошлость и халтура, которым не может быть места на советской эстраде. Чего стоит, с позволения сказать, такая «частушка»:

У меня миленков много,
Нет отбою мне от них,
Тот тащит, другой тащит —
Ажно кофточка трещит.

Следует добавить, что джаз-оркестр, выступающий в кинотеатре «Гигант», как и многие другие наши джазы, чрезмерно увлекается современной западной музыкой, с ее раздражающе-лихорадочными, квакающими и ноющими «мелодиями».

Нет, не такие песни и частушки, не такая музыка нужны народу. «За последние годы,—как отмечает Центральный Комитет партии в постановлении об опере «Великая дружба», — культурные запросы и уровень художественных вкусов советского народа необычайно выросли».

Эти запросы должны быть удовлетворены работниками искусства.

К. ЗАВАРЗИНА, М. ТРЕТЬЯКОВА, А. ЗАДЕЕВА, Л. ШЕРСТЮК — студентки Хабаровского педагогического училища.

Благородное поприще

Елена Васильевна Лесневская всю свою жизнь посвятила благородному делу — воспитанию детей дошкольного возраста. Вот уже скоро сорок лет, как она трудится на этом поприще. Сразу же после установления советской власти в Хабаровске, Елена Васильевна пришла на работу в первый организованный в городе детсад. С тех пор она, даже на короткое время, не бросала любимое дело.

За долгие годы Елена Васильевна Лесневская помогла вырастить и воспитать тысячи детей. Многие ее питомцы на всю жизнь запомнили свою воспитательницу, по-матерински заботливую и чуткую. С благодарностью вспоминают они о ней.

Вот письмо из города Анапки:

«Дорогая Елена Васильевна! Шлю вам и всем детишкам горячий привет. Я часто вспоминаю наш детский сад и вас. Вы для меня были второй матерью. Вы многому научили меня. Вы первая пробудили во мне любовь к книгам. Я буду вечно благодарна вам. Пишите мне о своем здоровье, о нашем детсаде. Ваша Нона Стрельникова».

Такие письма получает Елена Васильевна из институтов, с заводов, со строек, из частей Советской Армии. Эти сердечные строчки — лучшая награда для старой воспитательницы. В любви к советской детворе черпает она энергию и силы для дальнейшей работы.

Детский сад № 3, которым заведует Е. В. Лесневская, является образцовым дошкольным учреждением. Детей встречают здесь, как в хорошей заботливой семье. В детском саду сейчас сто малышей. К их услугам множество игрушек, наглядных пособий. Под руководством воспитательницы они играют, поют, пляшут. Впервые знакомятся они здесь с «чудесами» и «загадками» природы. Часами стоят они у аквариума, любуясь, как в густой зелени чуть заметно передвигаются улитки, у террариума, — где обитают тритоны. А в другой комнате в таких же «домиках» живут рыбки и лягушки...

Елена Васильевна Лесневская любовно и настойчиво выращивает кадры воспитателей. Когда-то Евгения Калинченко выполняла в детсаду техническую работу. Е. В. Лесневская помогла ей овладеть специальностью воспитательницы. Теперь тов. Калинченко руководит группой и с успехом справляется со своими обязанностями.

Все сотрудники детского сада — воспитательница Екатерина Бочкарева, повар Анастасия Строкина, сторож Мария Лепина, столяр Сергей Гридин — по примеру Елены Васильевны любовно и ревностно относятся к своему делу.

Радостно праздновали питомцы детсада 30-летие Советской Армии. Малыши разучили новые песни, стихи и танцы. В этот день к детям пришли гости — офицеры и бойцы Советской Армии. Они рассказали ребятам о боевых делах и походах Советской Армии, о славных воинах-героях, которых так любят изображать в своих играх воспитанники детского сада.

А. ЧУГУЕВСКИЙ.

На снимке (слева направо): Ира СЛОСМАН, Елена Васильевна ЛЕСНЕВСКАЯ, Феликс ЖЕСТОВСКИЙ, Света ТИТОВА, Боря ИЛЬИН, Алла ЧЕРНОВА, Юля ВИТЕР и Алик АЛЕКСАНДРОВИЧ. Фото Е. Шулепова.

Джанси КИМОНКО

(Глава из повести)

Джанси Батович Кимонко — сын удэгейского народа, издавна обитавшего в дальневосточной тайге. Советская власть подняла этот народ к жизни, возродила его так же, как и другие народности края, в прошлом обреченные на вымирание. Оставив кочевья, удэгейцы долины реки Хор объединились в колхоз и ныне строят новую жизнь. Джанси Кимонко работает в Гвасюгах председателем сельисполкома.

Недавно он написал автобиографическую повесть «Зарево над лесами», в которой отразил жизнь своего народа. В первой части повести показано тяжелое прошлое удэгейцев. Ниже приводится глава из этой повести, которая полностью печатается в журнале «Дальний Восток».

Перевод с удэгейского и литературная обработка Юлии Шестаковой.

ПЕРВАЯ ДОБЫЧА

Итак, мы остановились зимовать возле устья Сукпая. Наша юрта стояла под большой елью. Она была построена из корья. Кругом в ней светились щели, и сквозь эти щели я часто видел, как вороны перелетают с дерева на дерево.

Одинокая юрта наша была холодна. Ночью в дымовое отверстие наверху можно было рассматривать звезды. Посредине юрты всегда горел костер. Зимние утра неприветливы. Бабушка вставала раньше всех, подкладывала в костер палки, дрожа от холода, раздувала пламя.

Я помню, как сейчас, ее худые, морщинистые руки, протянутые к огню. Она стоит над костром, греет мой рваный халат, греет и тихо напевает:

Мальчик, мальчик, я грею одежду твою,
Поднимайся скорее, вставай!
Слышишь, кукши на ветках давно поют?
Бери халат, надевай.
Мальчик, мальчик, я грею одежду твою,
Мышка топчет тебя, не зевай!
Видишь, зайцы по снегу давно снуют,
Вставай скорее, вставай!

Как холодно... Быстро вскакиваю, одеваюсь, натягиваю на ноги унты. Все уже встали. Мать разливает в чашки закту (суп из юколы, нарезанной мелкими кусочками). Я тоже беру чашку.

— Ну, бата, — говорит мне дедушка, едва мы опустошили чашки, — собирайся со мной на охоту. Га!

Первый раз в жизни я надеваю охотничью одежду. Еще летом бабушка сшила мне халат из лосиной кожи и такие же штаны, «хэйги», как у взрослых охотников, и даже наколенники, чтобы не холодно было, если придется стрелять с колена. Теперь она помогает мне одеваться, говоря при этом нечто мудрое и торжественное:

— Учись стрелять зверя. Будешь поддерживать пламя нашего костра, когда мы, одряхлев, сядем за спиною сильных...

И вот я уже стою на лыжах, ослепленный сиянием снегов. Белое головное покрывало — «номну», расшитое узорами, опускается с шапки до самых плеч, концы его слегка развевает ветер. С нетерпением поглядываю на дверь юрты. Что-то долго там возится дедушка, собирая свои самострелы. Наконец-то! Деревянная котомка — «ханами», в которой хранятся самострелы, всегда у охотника за спиной. Дедушка поправляет на поясе птицу из дерева. Неужели, она, действительно, оберегает его от боли в спине, эта птица?

— Га, — тихо говорит дедушка, обогнав меня сразу широким шагом.

Оказывается, сзади идти не очень весело. Дедушка легко огибает стволы деревьев, скрывается где-то в зарослях ельника и почти совсем не оглядывается. Мне приходится догонять его, я тороплюсь, и нередко, запнувшись, падаю, потом поднимаюсь и снова бегу. Ветер все сильнее и сильнее раскачивает надо мной вершины деревьев. Гул стоит в вышине, и оттуда все время сыплется снег. Громкие удары оглашают тайгу, как выстрелы, один за другим: У-ух! Еще раз и еще.

— Дедушка, подожди-и...

Поровнявшись с ним, я спрашиваю, кто может быть здесь, кроме нас, откуда такие звуки. Дедушка смеется:

— Боишься?

— Зачем бояться? У нас ведь оружие...

— Не бойся, бата, — успокаивает старик, — это мороз стреляет. Деревья трескаются. Видишь, как холодно сегодня.

Полдня мы шли без тропы глухой лесной чащей и молчали, пока не выбрались на белую ленту замерзшего ключа.

— Можешь теперь вперед шагать. Прямо по ключу. До самой вершинки, — проговорил дед, тяжело дыша. Только сейчас я заметил, как он устал, бедняга. Однако, не задумываясь, я побежал вперед, подгоняемый порывами ветра. Бежал до тех пор, пока не услышал позади далекий зов деда, просившего обождать.

— Элэ! Элэ! Аласе!

Он прошел несколько шагов в глубину леса и стал рубить пихту. Делал он это очень ловко. Я засмотрелся. Вот-вот упадет дерево. Оно уже пошатнулось. Длинные космы мха, повисшие на ветвях, растрепались от ветра. Гляля на падающее дерево, дедушка отбежал прочь.

— Кабарга! — вдруг закричал он изо всей силы. — Я разрушил бабушкин амбар, иди в гости!

Кабарга любит этот мох, который так похож на бабушкины волосы—«мамаса нюктани». Мы начинаем протаптывать тропинки вокруг сваленного дерева. Ставим самострелы. Дедушка заставляет меня привязывать длинные волосяные нити к стволам берез, а сам, предварительно измерив расстояние от земли на высоте локтя, пробует, хорошо ли натянуты нити.

— Теперь стрела попадет кабарге прямо в бок, — говорит он, немного ослабив нити.

Впоследствии я узнал, что дело это требует большой осторожности и уменья. Хорошо привяжешь нитку, — успех будет, не сумеешь привязать как следует, упустишь зверя.

— Двадцать лет охочусь на кабаргу и ни разу не поймал, — ворчит меж тем старик, — рассердилась на меня, что ли... Однако, сейчас поймаем. Поглядим, есть ли у тебя счастье, бата.

Мы вернулись домой поздно вечером. Я растянулся у костра и уснул с лепешкой в руке. Прошло четыре дня. Дедушка снова позвал меня в лес. Теперь мы уже шли за добычей. Около сваленной пихты снег покраснел от крови. Все самострелы упали.

— Вот и первая твоя добыча, — обрадовался дед, высвобождая одну за другой жертвы ловушки. Их оказалось четыре. Все были самцами. Это особенно радовало старика — теперь-то у него будет дорогое лекарство, которое можно обменять у китайских купцов на чумизу.

Дома около юрты нас встретил отец. Он только что вернулся с соболевки и еще не успел отвязать с нарты поклажу. Ангирча тоже ходил с ним. Увидев нашу добычу, отец просиял:

— Ого! Кабарга есть! —воскликнул он и похлопал меня по плечу.

— Молодец!

Раскурив трубку, Ангирча протянул ее мне в знак товарищества. Я закашлялся и вернул трубку, задыхаясь от дыма. Все засмеялись. В юрте стало шумно, как на празднике. Еще бы! Охотники принесли немалую добычу. Отец убил восемь соболей, Ангирча — одиннадцать. Но есть все равно было нечего и праздник закончился «зактой» без лепешек, для которых уже не осталось муки.

Прошло несколько дней. К своей первой добыче я прибавил еще трех колонков и рысь. Однажды перед вечером мы услышали громкий лай чужих собак. Отец распахнул дверь юрты, за ним последовал дед. Я тоже выскочил на улицу. Что такое? Незнакомые люди едут к нам. Кто это мчится по реке на нартах, оставляя позади снежный вихрь? Семь собак в упряжке. У каждой собаки на шее красная лента. Гремят колокольчики...

—Китайский торговец едет, — переглядываются дед с отцом.

— Ли-Цзоу.

Бабушка боится. Она прячет подальше конье, китайские котлы и посуду. Ведь купец обязательно будет просить пушнину. Если ему откажут, он отберет у нас все, что принесли сюда другие китайцы когда-то. Высокий и толстый, в длинном черном халате, китаец вваливается в юрту. Отвешивает поклон, говоря по удэгейски:

— Багдыфи!

У него большая сумка. Он сбрасывает ее с плеч, садится поближе к костру, долго роется в ней, расспрашивая между тем об охоте. Я сижу за спиной бабушки и вижу, как он достает белые пампушки одну за другой. Звонко причмокивая губами, ест. Заметив меня, он бросает мне одну пампушку и продолжает рассказывать новости. Отец и дедушка сидят возле него. Банчок с водкой переходит из рук в руки.

— Русские деньги сейчас ничего не стоят, — говорит купец. — В России война. Германцы хотят забрать русское государство.

Кто такие русские, кто такие германцы — я ничего не понимаю.

— Если у вас есть пушнина, отдайте ее мне, — продолжает Ли-Цзоу. Мышиные глазки его скользят по стенам нашей юрты. Он прищуривается. Я снова прячусь за бабушку. Ли-Цзоу говорит сладковатым, писклявым голосом: — Я дам вам муку для лепешек, вино, товары. Деньги что! Их теперь можно в костер бросить.

Китаец скривился и, действительно, бросил в костер одну бумажку, которую держал где-то за пазухой. Дедушка и отец совсем опьянели. Достают шкуры соболей. Отдают китайцу одну кабаргу, другую, третью... Все, даже мои колонки, очутились на коленях у Ли-Цзоу. Он повеселел. Поглаживая рукой меха, рассказывает какие-то смешные истории, и от хохота сотрясается его грузное тело. Рано утром он покинул нашу юрту, оставив в ней едучий запах опиума, одну серебряную монету и свой адрес.

Весной, когда вскрылись реки, отец решил отправиться в город к Ли-Цзоу. Он взял с собой Ангирчу. Самый большой бат должен был вместить то, что пообещал купец. Вся семья вышла на берег провожать их в далекую дорогу. Дедушка принес новые шесты и весло. Бат столкнули на воду и шумные волны Сукпая ударились о его борта. Я долго смотрел, как удалялся вниз по реке бат, на котором отец привезет муку, чумизу, красивую материю для халатов и может быть еще что-нибудь хорошее. Что именно, я не знал.

Мы ждали их целый месяц. В юрте было голодно. Бабушка уже не раз свои «севохи» багульником обкуривала. Просила удачи. Лет двадцать она хранила кусочки сушеной рыбы морской для молитвы.

— Кушай, бата, — сказала она однажды, подавая их мне.

Река разливалась с каждым днем все больше и больше. Нигде нельзя было увидеть ни одной даже маленькой рыбы. Напрасно дедушка брал в руки острогу. Мы голодали. Я каждый день подолгу просиживал на берегу, все смотрел вниз — не покажется ли из-за поворота бат, но его не было.

Как-то раз бабушка подошла ко мне с печалью в глазах, потому, что я так громко просил есть, что голос мой, наверное, разрывал стены юрты.

— Я принесла тебе вот это. Ешь.

Она протянула мне кусочек пожелтевшего жира из груди сохатого.

— Как? Разве можно?

Я помню, как она прятала его для молитвы и предупреждала: кто покушает, у того рот скривится. И вдруг... Я испуганно смотрю то на бабушку, то на кусочек сала. Неужели можно?

— Кушай, не бойся. — говорит бабушка. Глаза ее увлажняются.

Отец возвращался по большой воде. Мы все беспокоились, что с грузом трудно будет подниматься вверх по реке. Каждый день ждали, выходили встречать, прислушивались — не обрадует ли песня Ангирчи издалека? Я заметил бат, едва он показался за поворотом. Хотел помчаться навстречу в оморочке. Но мать удержала:

— Не надо пугать радость, а то улетит, как птичка.

Я остался на берегу вместе со всеми, но радость все равно улетела. Бат был пустой. В нем не оказалось ни муки, ни чумизы, ничего.

— Обманул купец? — догадался дедушка.

Отец мрачно кивнул головой.

Через несколько дней мы отправились в верховья Сукпая за новой добычей...

(Продолжение следует).

Первый житель Биробиджана

Не так давно заведующий биробиджанской межрайонной пчеловконторой Август Денисович Оттер отметил своеобразный юбилей — 35-летие проживания в Биробиджане, вернее на том месте, где раскинулся сейчас областной центр Еврейской автономной области.

35 лет назад Август Денисович приехал на Тихоньковский участок строительства Амурской железной дороги. После демобилизации из царской армии он остался на Дальнем Востоке. Вся его последующая жизнь тесно связана со строительством Еврейской автономной области.

На том месте, где Оттер поставил свое первое жилье — землянку, сейчас возвышается большое каменное здание городской больницы. Ему пришлось и второй раз перенести свою хибарку, чтобы дать место для строительства хлебозавода.

Августа Денисовича хорошо знают во всех колхозах области: он не раз бывал в каждом из них, помогая колхозникам в организации пчеловодства. Пасечниками в переселенческих колхозах становились люди самых разнообразных профессий, до переселения в Биробиджан вообще не занимавшиеся сельским хозяйством. Опытнейшие пчеловоды области — тов. Полур (из колхоза им. Кирова), тов. Галемба («Ройтер штерн»), тов. Вольфсон («Валдгейм») — являются учениками тов. Оттер.

Первому жителю Биробиджана сейчас свыше 60 лет, он пенсионер, но продолжает работать. Все его дети получили высшее и среднее образование. В этой семье бывшего батрака имеются инженер, агроном, преподаватель физики, медицинский работник.

Имя Августа Денисовича занесено на карту Еврейской автономной области: им назван «Августовский ключ», берущий свое начало на вершине горного хребта Шуки-Пактон и впадающий в реку Бира, в нескольких километрах от Биробиджана. На этом месте Август Денисович поставил много лет назад свою первую пасеку. Ключ не имел тогда никакого названия. Когда же местность заносилась на карту, ключу было присвоено имя пасечника, первого жителя Биробиджана.

Я. ЯСИНСКИЙ.